НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ОБРАЗУ АПОЛЛОНА ЛИКИЙСКОГО

При разборе этимологии эпитета Аполлона Λύκειος античными и современными комментаторами было выдвинуто три основных точки зрения. Первая из них производит этот эпитет от корня λύκος 'волк', вторая связывает его происхождение со страной Ликией (причем говорится как о «большой» Ликии, расположенной на югозападе Малой Азии, так и о «малой», зелейской Ликии, принадлежащей к территории Троады), а третья возводит его к индоевропейскому корню *leuk- блестевь, сиять через посредство засвидетельствованного Макробием (Sat. I, 17, 37) слова λ ύκη¹.

Дополнительные аргументы в пользу первой точки зрения были выдвинуты в последнее время Ю. В. Откупщиковым в статье, посвященной этимологии имени Аполлона². Предлагаемая им новая этимология, согласно которой имя ^{2} Απέ(^{2} λων представляет собой субстантивированной причастие ^{2} απελῶν ^{2} 0 отгоняющий, отвращающий ^{2} 2 отвратитель ^{2} 3, позволяет прояснить связь имени Аполлона с такими его эпитетами как ^{2} 2μίνθιος (^{2} 2μινθεύς), Παρνόπιος, а также ^{2} 3νείνθιος (^{2} 3νείνθιος) и «саранчовому отвратителю» (^{2} 4πέ(^{2} 3νεν ^{2} 4νείνος), Аполлон Ликийский выступает как защитник стад от волков, «волчий отвратитель», становясь практически синонимичным другому эпитету Аполлона – ^{2} 3νεοκτόνος «убивающий волков» (Soph. ^{2} 6).

На древность связи Аполлона с троянской Ликией указывает гомеровский эпитет Λυκηγενής. Так, по его мнению В.Л. Цымбурского, «вся... совокупность археологических, исторических и эпиколегендарных свидетельств позволяет говорить о Троаде II тысячелетия до н.э. как о единственном месте в Анатолии, где для данного времени прослеживается почитание Аполлона³». Опираясь в своих исследованиях на данные сравнительно-исторического языкознания и анализируя гомеровский контекст и комментарии схолий и Евстафия, автор высказывается в пользу прочтения эпитета как «рожденный в Ликии».

¹ См. напр., AUFFARTH, (Chr.), *Lykeios* in *Der Neue Pauly*, VII, Stuttgart-Weimar, Metzler, 1999, p. 558.

 $^{^2}$ Откупщиков Ю.В. 'АПОЛЛ Ω N (Мифолого-этимологический этюд) // Очерки по этимологии. СПб., 2001. С. 293-300.

³ Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 248.

Что касается последней этимологии, связанной с корнем λύκη, то она в последнее время практически не привлекает внимания исследователей. Связано это с тем, что в работах девятнадцатого века этимологическая связь имени Аполлона со светом была одним из основных аргументов в пользу признания исконного тождества Аполлона и божества Солнца Гелиоса⁴, ставшего общим местом трактатов поздней античности. Когда же в самом начале XX века в своем капитальном исследовании, посвященном культам греческих полисов, Фарнелл убедительно показал, что впервые подобное отождествление появляется в текстах афинских трагиков V в. до н.э.⁵, тезис об исконной солнечности Аполлона был отвергнут, а «световая» этимология приводится с тех пор лишь как факт истории науки и ни разу не стала объектом углубленного научного исследования. При том, что вопрос о месте солнечных функций в образе Аполлона до сих пор окончательно не решен, именно анализ этимологии и значения слова λύκη в греческом языке, может, как кажется, многое здесь прояснить.

Прежде всего следует отметить, что в чистом виде корень λ ύκв значении, сопоставимом с латинским lux, lucis m 'свет', встречается один раз в слове λ ύκη (в форме accusativus λ ύκην), засвидетельствованном только в указанном месте у Макробия. Кроме того, этот корень содержится в композитах λ υκαυγής, λ υκόφως, а также в гомеровских ἀμφιλύκη, и, возможно, λ υκάβας. По поводу значения и этимологии последнего слова в научной литературе было уже высказано несколько точек зрения, поэтому предметом нашего исследования станут в первую очередь слова λ υκαυγής, λ υκόφως и ἀμφιλύκη.

Первые два слова образованы путем сложения двух основ, первой из которых в каждом случае является $\lambda \acute{\nu} \kappa$ -, а вторая представлена корнем со значением света (в первом случае это $\alpha \acute{\nu} \gamma \acute{\eta}$ 'сияние', 'блеск'; 'солнечный луч', во втором – $\phi \acute{\omega} \varsigma$ 'дневной свет'). При этом значения обоих слов – «утренние сумерки», когда, как объясняет, например, Евстафий, «еще не наступил день, но и ночь уже не полная» (Eust. *Сомт. in Il.*, VII, 433.). Лукиан в «Правдивых рассказах», повествуя об островах Блаженных, говорит, что «у них нет ни ночи, ни полностью яркого дня; такой свет господствует над

_

⁴ См. напр.: A. RAPP. Hélios; A. FURTWÄNGLER, W. ROSCHER. Apollon // Ausführlisches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Lpz., 1890. ⁵ L.R.FARNELL. The Cults of the Greek States. Oxford, t. IV, 1907, p. 137.

землей, как τὸ λυκαυγές перед зарей, когда еще не взошло солнце» ^{6} .

Такое же значение придавал самому слову λύκη Макробий (I, 17, 37). По его мнению, «древние греки первый свет, который предшествует восходу солнца, называли λύκην ἀπὸ τοῦ λευκοῦ». Макробий явным образом соотносит латинское lux с греческим λύκη, действуя так же, как и составители современных этимологических словарей Я. Фриск и П. Шантрен. Так, в последнем указывается, что «*λύκη с нулевой ступенью корня принадлежит к той же семье, что и λεύσσω, λύχνος» ^{7} .

Подобная трактовка представляется довольно странной, если мы вспомним о значении обоих слов. Если бы корень $\lambda \acute{\nu} \kappa$ - в данном случае означал просто *свет*, то от его сложения с другими корнями света мы бы ожидали закономерного усиления значения *свет* в результирующем слове, в то время как в реальности мы сталкиваемся с его «понижением», с неким сумеречным полусветом.

По-видимому, в обоих словах первый корень является характеристикой второго, таким образом уточняя значения слова *свет*, что оно приобретает значение света сумеречного. Следует отметить, что все остальные комментаторы, кроме Макробия, объясняя гомеровское ἀμφιλύκη современным им «так называемым λυκόφως», видят в нем корень слова λύγη 'σκοτία, κνέφας' 'сумрак, темнота'. Получается, следовательно, что слово, означающее сумерки, некий полусвет, буквально переводится как «темносвет» и образовано по такому же принципу, что и прилагательное λ ευκόμελας, в котором корни «белый» и «черный», соединяясь, дают значение *серый*.

Таким образом, мы имеем две полярных точки зрения, первая из которых видит в словах λυκαυγής и λυκόφως корень, сопоставимый с латинским lux, скр. $ruc\acute{a}$ - 'ясный, светлый', скр. ruc- 'свет' и хетт. lukzi 'светло, день', а вторая исходит из сочетания значений света αΰγή, φῶς и 'сумрака, темноты' λύγη.

 ^{6} Luc. VH, 2, 12, 9-12 (ср. схолии к этому месту, где τὸ λυκαυγές объясняется как «заревое, когда еще есть небольшой сумрак»).

⁷ P. CHANTRAINE. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots, Paris, 1983. P. 649.

⁸ Suda, A 4056: ἀμφιλύκη· ὄρθρος, τὸ λεγόμενον λυκόφως (Η 433); ἀμφιλύκη νύξ· ὁ ἡμεῖς λυκόφως λέγομεν· λύγη γὰρ ἡ σκοτία κατ ἔλλειψιν αὐγῆς λέγεται (Η 433). Apollonii Lexicon Homericum, 28, 4-6: ἀμφιλύκη σκοτία, ἡ μήπω δὲ φῶς· "ἦμος δ' οὔτ' ἄρ πω ἠώς, ἔτι δ' ἀμφιλύκη νύξ." καὶ ἔστιν οἷον ἀμφιλύγη· λύγαιον γὰρ τὸ σκοτεινόν. Scholia in Apoll.Rhod., 179, 16-17: v. II, 671 ἀμφιλύκην μιν· σκοτεινήν. λύγη γὰρ ἡ σκοτία, καὶ λυγόφως ἐξ αὐτοῦ καὶ λυκόφως.

Третью точку зрения высказывает в своем комментарии к «Илиаде» Евстафий. Комментируя гомеровское ἀμφιλύκη, он приводит этимологию с λύγη, а затем замечает, что слово может быть образовано и от λυκέη 'волчья шкура', «потому что волчья шкура пепельного света, а не полностью черная⁹». В другом месте, объясняя эпитет Λυκηγενής, Евстафий продолжает эту мысль: «подобно тому как лебедь посвящен Аполлону как солнцу из-за белизны, а ворон из-за ночной черноты (...), так же и волк связан с ним из-за того, что волчий цвет представляет собой нечто среднее между этими двумя, ибо он пепельный и ни светлый, ни полностью черный, а подобен слабоночному цвету перед зарей с пеплосом из шафрана, который в разговорном языке называется $\lambda \nu \kappa \acute{o} \phi \omega \varsigma^{10}$ ».

Евстафий упоминает некий «волчий цвет», λ ύκειον χρῶμα. В другом месте он называет его чуть иначе, λ υκόχροος βαφή букв. «краска волчьей кожи» Гесихий сообщает нам о слове λ υκοειδής, которое он приводит как эпитет все той же зари и глоссирует через слово διάλευκος. Заметим, что ни в διάλευκος серый, ни в синонимичном ему λ ευκόμε λ ας нет корня, обозначавшего бы собственно «серый». Другие греческие слова, которые могли бы быть истолкованы как содержащие этот корень, $-\pi$ ολιός, употребляющееся как эпитет волка, и τεφρ $\hat{\omega}$ δες, приложенное в вышеуказанном тексте Евстафия к волчьей шкуре, на самом деле означают «седой» и «пепельный» соответственно. Добавим, к тому же, что даже в современном греческом языке смысл серого цвета передает слово γκρίζος, заимствованное из французского gris.

Следовательно, вполне вероятной кажется ситуация, при которой слово λύκειος «волчий» означало не что иное, как просто *серый*, связывая, таким образом, через цветовую гамму волка и то самое предрассветное состояние небосвода, которое описывается словами λυκόφως, λυκαυγής или ἀμφιλύκη.

_

⁹ Eust. Comm.inIl., v. VII, 433: Ἐτυμολογεῖται δὲ ἢ παρὰ τὴν λύγην, ὅ ἐστι τὴν σκοτίαν. Λυγαῖον γάρ, ὅ ἐστι σκοτῶδες, τὸ τηνικαῦτα φῶς, ἢ παρὰ τὸ λυκέῃ ἐοικέναι, τουτέστι λύκου δορᾳ. τεφρώδης γὰρ ἡ λυκέη καὶ οὐκ ἄκρατον ἴσχει τὸ μέλαν.

¹⁰ Eust. Comm.inIl., v. IV, 101: ὅσπερ ὁ κύκνος ἱεροῦται ᾿Απόλλωνι ὡς ἡλίφ διὰ τὴν λευκότητα, καὶ ὁ κόραξ διὰ τὴν νυκτερινὴν μελανίαν, ῆς οἶα καὶ μητρός ἀπογεννᾶται, ὡς ἀλλαχοῦ γέγραπται, οὕτω καὶ λύκος ἀνάκειται αὐτῷ διὰ τὸ μέσον εἶναι ἀμφοῖν τὸ λύκειον χρῶμα. τεφρῶδες γὰρ καὶ οὕτε φαεινὸν οὕτε ἄκρως μέλαν, ἀλλ᾽ οἷόν τι τὸ πρὸ τῆς κροκοπέπλου ὑπονύκτερον χρῶμα, ὃ καὶ λυκόφως ἡ καθωμιλημένη γλῶσσα καλεῖ.

¹¹ Eust. Comm.inIl., v. VII, 433.

¹² Hesych., L 1384-1385: λυκοειδέος ἀοῦς· τοῦ λυκόφωτος; λυκοειδής· διάλευκος.

Этот «серый» Аполлон выступает как бог-покровитель переходного между ночью и днем предрассветного состояния ἀμφιλύκη - и именно в этот момент он дважды (II, 669-676 и IV, 1706-1711) является аргонавтам в эпосе Аполлония Родосского. Евстафий характеризует этот момент словосочетанием πέρας νυκτός край ночи, что заставляет вспомнить о том, что Аполлон был известен своими функциями хранителя порогов и улиц, этих переходных пространств между «домашним», обжитым человеком пространством и внешним миром. Существовал специальный эпитет Аполлона -«заревой» ('Απόλλων Έφος (Ap.Rhod. II, 686)), и, как пишет в своих комментариях к эпосу Аполлония Родосского Ф. Виан, на острове Тиниада, где происходит первой явление Аполлона аргонавтам, в историческое время действительно был засвидетельствован подобный культ. В свое время для Л. Р. Фарнелла существование этого культа было единственным прямым доказательством связи Аполлона со световыми божествами. Предложенное толкование, как кажется, подкрепляет данные литературных источников лингвистическим материалом, уточняя и объясняя место световых функций в образе Аполлона.